
ТУРИЗМ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

ГЕОГРАФИЯ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА И ТРАНСГРАНИЧНОЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЕ РЕГИОНООБРАЗОВАНИЕ В ШВЕЦИИ

А. Г. Манаков
И. Н. Красильникова
И. А. Иванов

Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2

Поступила в редакцию 13.11.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-6

© Манаков А. Г., Красильникова И. Н.,
Иванов И. А., 2021

Индустрия туризма Швеции характеризуется большим вкладом в развитие экономики страны. К тому же Швеция располагает значительной площадью, позволяющей увидеть различия во въездных туристских потоках из соседних государств. С этим связана научная новизна исследования, которая определяется взглядом на географию туризма в стране с позиции теории трансграничного туристско-рекреационного регионообразования. Так, выявленные региональные различия в структуре въездного туристского потока стали основой для выделения и делимитации трансграничных туристско-рекреационных регионов мезоуровня. Исследование опирается на статистический и картографический методы. Въездной туристский поток в Швецию вплоть до 2020 года обладал устойчивым ростом. Но кризис, вызванный пандемией COVID-19, привел к многократному снижению въездного туристского потока. Результаты исследования, опирающегося на статистику 2019 года, подтвердили наличие обладающего высоким уровнем сформированности и большим объемом межгосударственного туристского обмена немецко-датско-шведского трансграничного туристско-рекреационного мезорегиона. Кроме этого на границе Швеции с соседними странами выделено еще пять трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов: шведско-норвежско-датский, средний шведско-норвежский, шведско-норвежско-финский, средний шведско-финский и южный шведско-финский. На основании величины туристского потока в эти трансграничные мезорегионы из соседних стран дана оценка степени их сформированности.

Ключевые слова:

индустрия туризма, международный туризм, туристский поток, COVID-19, трансграничный регион

Введение

Швеция занимает третье место в Балтийском регионе по вкладу индустрии туризма в экономику страны (8,2% ВВП в 2019 году), уступая по этому показателю Эстонии и Германии (11,7 и 9,1% соответственно)¹. При этом в развитии турист-

¹ *Economic Impact Reports* // WTTC. URL: <https://wttc.org/Research/Economic-Impact> (дата обращения: 12.01.2021).

Для цитирования: Манаков А. Г., Красильникова И. Н., Иванов И. А. География въездного туризма и трансграничное туристско-рекреационное регионообразование в Швеции // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 108–123. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-6.

ской сферы страны большую роль играет международный туризм. Этому способствует и то обстоятельство, что Швеция располагает небольшим по европейским меркам числом жителей (10,2 млн чел. на начало 2021 года) на фоне в несколько раз превосходящих ее по суммарной численности населения стран — основных поставщиков зарубежных туристов.

Причем относительно большая площадь государства (четвертое место в зарубежной Европе — около 450 тыс. км²) создает предпосылки для формирования региональной специфики по приему иностранных туристов. Развитию туристско-рекреационной сферы в разных регионах страны способствует большое разнообразие культурно-исторического наследия и природных ландшафтов. Крупные центры туризма располагаются как в южной части Швеции, прилегающей к двум важнейшим поставщикам зарубежных туристов — Германии и Дании, так и в северной, не менее привлекательной для иностранных туристов благодаря своим живописным ландшафтам. Данные обстоятельства предопределяют интерес к изучению географии въездных туристских потоков в Швеции, в частности с позиции теории трансграничного туристско-рекреационного регионообразования.

Целью исследования является определение региональных различий в структуре въездного туристского потока в Швецию, служащих основанием для выделения и оценки степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов мезоуровня.

Задачи исследования:

— проследить динамику и структуру въездного туристского потока в Швецию с 2008 года по настоящее время;

— выявить особенности распределения въездного туристского потока в Швеции, на основании чего выделить на смежных с соседними странами территориях трансграничные туристско-рекреационные регионы мезоуровня;

— определить величину межнационального туристского обмена в пределах трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов, являющихся основанием для оценки степени их сформированности.

В качестве *информационной базы исследования* выступают находящиеся в открытом доступе статистические данные Евростата по числу прибывших в Швецию туристов², сведения Статистического бюро Швеции по ночевкам туристов как по Швеции в целом, так и по ленам (административно-территориальным единицам страны первого уровня)³, а также аналогичные данные, представленные статистическими службами Норвегии⁴, Финляндии⁵, Германии⁶ и Дании⁷.

² *Arrivals at tourist accommodation establishments* // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TOUR_OCC_ARNAT_custom_159133/default/table?lang=en (дата обращения: 20.10.2020).

³ *Statistical database* // SCB. URL: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (дата обращения: 20.10.2020).

⁴ *Accommodation establishments total. Guest nights, by guests' country of residence* // Statistisk sentralbyrå. Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/08401/> (дата обращения: 15.08.2020).

⁵ *116t — Yearly nights spent and arrivals by country of residence, 1995—2020* // Visit Finland. Statistics Service Rudolf. URL: <http://visitfinland.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/VisitFinla> (дата обращения: 12.01.2021).

⁶ *Die Datebank des Statistischen Bundesamtes* // Destatis. Statistisches Bundesamt. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online> (дата обращения: 12.01.2021).

⁷ *Turist: Overnight stay by type of overnight accommodations, region, nationality of the guest and period* // Statistics Denmark. URL: <https://www.statbank.dk/statbank5a/SelectVarVal/Define.asp?Maintable=TURIST&PLanguage=1> (дата обращения: 12.01.2021).

Степень изученности проблемы

В целом можно говорить о достаточно большом количестве отечественных и зарубежных публикаций, посвященных развитию туризма в Швеции. Первая большая группа работ иностранных исследователей по данной тематике дает возможность оценить современное состояние и перспективы развития в этой скандинавской стране отдельных видов туризма. Так, опыту развития сельского туризма в Швеции посвящены статьи таких авторов, как Д.А. и Д. Б. Карсон [1], Э. Альмштедт, Л. Лундмарк и Э. Петтерссон [2], П. Ритконен и Х. Тунон [3]. Возможности развития горнолыжного туризма в арктической Швеции обсуждаются в работе О. К. Демироглу, Л. Лундмарк, Дж. Сааринена и Д. К. Мюллера [4], горно-индустриального туризма в районе Бергслагена — в статье А. Пашкевич [5]. Многочисленные исследования шведских ученых посвящены проблемам развития экологического туризма и рекреации в тесной связи с вопросами охраны окружающей среды. Например, это работы Л. Лундмарк, П. Фредмана и К. Санделла [6], П. Фредмана, У. Ромилд, М. Юаня, Д. Вольф-Ватца [7], Л. Маргарян и П. Фредмана [8], Л. Петерсон-Форсберг [9] и др.

Большой популярностью в зарубежной науке пользуется такая тематика исследований, как изучение влияния туризма на локальные сообщества. Шведский опыт такого рода исследований представлен в публикациях, авторами которых являются К. Н. Линдстрем и М. Ларсон [10], И. Фарсари [11], Э. Лундберг [12], Дж. Халтман и С. Майкл Холл [13], Н. Ван Эс и С. Рейндерс [14] и др.

Российские исследователи, как и целый ряд зарубежных, обращают внимание на развитие в Швеции различных видов туризма, например образовательного [15], круизного [16], а также рассматривают общие вопросы и перспективы развития туризма в Швеции на фоне других стран Северной Европы [17—19]. Особо нужно отметить работы, где концентрируется внимание на развитии туризма в отдельных районах Швеции (например, [20; 21]), что дает представление собственно о географии туризма в стране. Тем не менее география туризма в Швеции, на наш взгляд, изучена недостаточно полно, особенно с помощью картографических методов, позволяющих увидеть региональные различия в пространственной структуре турпотоков.

Также нельзя считать полноценно изученными процессы трансграничного туристско-рекреационного регионообразования на территории Швеции. В этом плане можно отметить только публикации Э.-К. Прокколы, посвященные изучению трансграничной регионализации в Совете «Долина Торнио», то есть на шведско-финляндской границе [22; 23]. В этих работах, на примере создания Дестинации «Полярный круг», рассматривается влияние туризма на приграничные регионы с разных точек зрения, в первую очередь сквозь призму социального и культурного международного сотрудничества, а также с позиции преобразования приграничных ландшафтов.

Ранее проведенные нами и другими российскими авторами исследования по изучению географии туризма некоторых стран Балтийского региона (Эстонии [24], Финляндии [25] и Норвегии [26]) позволили оценить роль трансграничных туристско-рекреационных регионов ([27—31] и др.) в генерации и приеме туристских потоков. В данной статье представлены результаты аналогичного исследования, осуществленного на уровне административных единиц Швеции.

Результаты исследования и их обсуждение

В Швеции публикуется только статистика ночевков туристов, и, к сожалению, нет возможности оценить число воспользовавшихся средствами размещения туристов в разрезе по странам и ленам. Однако по въездному турпотоку в страну име-

ются данные Евростата. На рисунке 1 представлена динамика въездного туристского потока в Швецию в 2008—2019 годах на основе данных Евростата о количестве прибывших в страну туристов и воспользовавшихся средствами размещения.

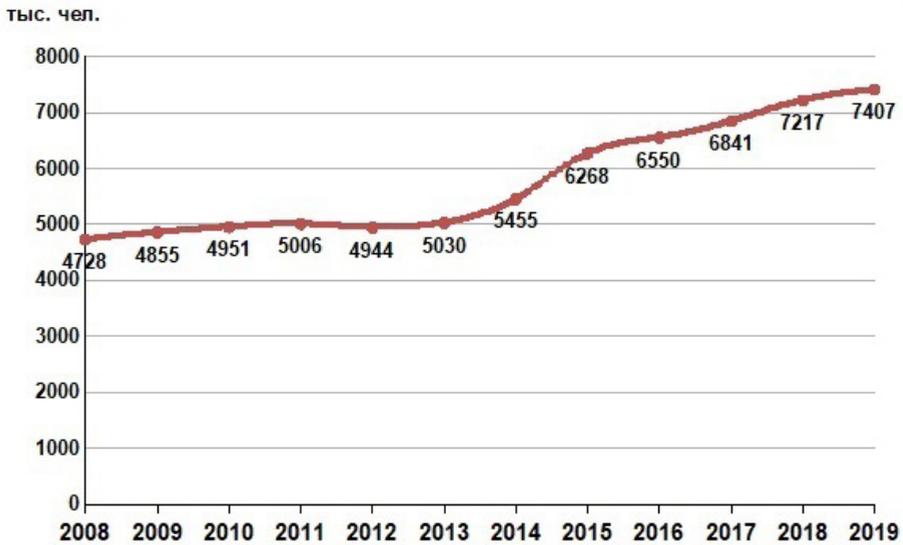

Рис. 1. Динамика въездного туристского потока в Швецию в 2008—2019 годах, тыс. чел.

За данный период въездной турпоток вырос более чем в 1,5 раза. Его незначительное сокращение наблюдалось только в 2012 году (–1,3% к прошлому году). На рисунке 2 показано распределение турпотокa по странам прибытия на основе статистики ночевok.

Рис. 2. Динамика количества ночевok иностранных туристов в Швеции

На протяжении всего исследуемого периода лидерство по количеству ночевков в Швеции держали туристы из Норвегии. Хотя в абсолютных значениях количество ночевков норвежских туристов несколько увеличилось по сравнению с 2008 годом (3,5 млн в 2019 году), удельный вес туристов из Норвегии в структуре иностранного турпотока с 2013 года сократился с 25,3 до 19,9%. Лидерство обусловлено тремя основными причинами: соседским положением, культурно-языковой близостью и безвизовым режимом (обе страны входят в Шенгенскую зону). Одним из стимулов норвежцев ездить в Швецию является разница цен — в Швеции цены на товары и услуги заметно ниже, развита приграничная торговля. Однако используемая методика подсчета туристов по числу ночевков позволяет исключить однодневные визиты.

Второе место по количеству ночевков в Швеции занимают туристы из Германии (3,4 млн в 2019 году), которая также входит в Шенгенскую зону. Турпоток из Германии, так же как и из Норвегии, вырос, но его удельный вес в общей структуре иностранного туристского потока сократился почти на 3%. В 2019 году доля туристов из Германии в общей величине въездного турпотока в Швецию составляла 19,3%. Большому количеству туристов из Германии способствует не только развитое воздушное и морское сообщение между странами, но и наличие мостов, соединяющих континентальную Европу со Скандинавским полуостровом через острова Датского архипелага, что позволяет попадать автомобилистам в Швецию без пересадки на паром.

Турпоток из Дании по количеству ночевков занимает третье место: в 2019 году датские туристы совершили 1,4 млн ночевков, и это число за исследуемый период существенно не менялось. В целом для данного турпотока верны закономерности, отмеченные для туристского потока из Германии.

Из других европейских стран по объему и приросту турпотока нужно отметить Великобританию (была на четвертом месте до 2018 года, рост в 1,5 раза, в 2019 году — 900 тыс. ночевков), Швейцарию (двукратный рост, 420 тыс. ночевков в 2019 году) и Польшу (рост в 1,8 раза, 323 тыс. ночевков в 2019 году).

Из неевропейских стран с быстрорастущим туристским потоком в Швецию следует отметить США (в 2019 году американские туристы совершили более чем в 2,5 раза больше ночевков, чем в 2008-м, что составило чуть больше 1 млн ночевков в 2019 году), Китай (четырёхкратный рост, в 2019 году — 400 тыс. ночевков) и Индию (пятикратный рост, почти 250 тыс. ночевков в 2019 году).

В целом во въездном туризме отмечается преобладание географически близких стран Европы, хотя в последние годы наблюдается заметный рост въездного турпотока из более дальних стран (особенно из отмеченных выше США, Китая и Индии). Также растет турпоток из других стран мира, по которым в Швеции не ведется отдельный статистический учет (около 730 тыс. ночевков в 2019 году, трехкратный рост), — в основном это развивающиеся страны.

В 2020 году Швеция, как и другие страны мира, не сумела избежать кризиса в туристской сфере, связанного с пандемией COVID-19. На рисунке 3 представлена динамика въездного турпотока в Швецию по месяцам 2020 года по сравнению с аналогичными временными интервалами в 2019 году.

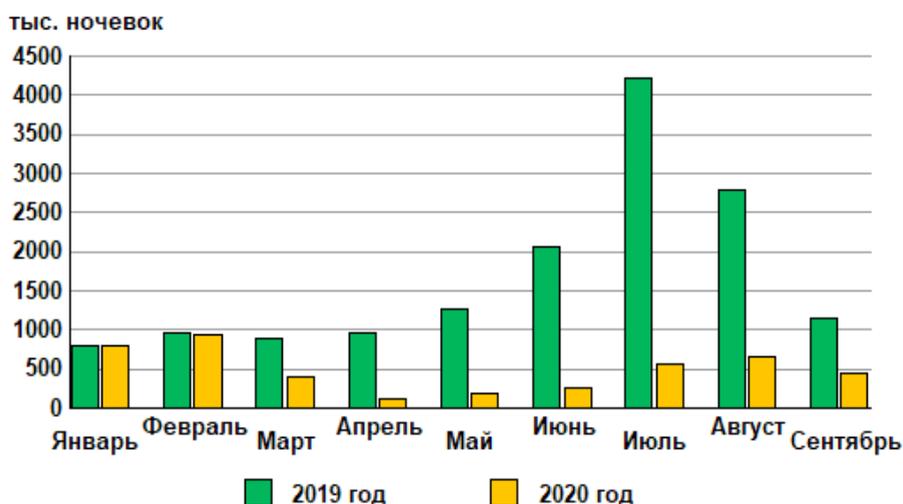

Рис. 3. Динамика количества ночевок иностранных туристов в Швеции по месяцам в 2020 году по сравнению с 2019 годом

В марте 2020 года в мире была объявлена пандемия и стали вводиться первые серьезные ограничения на перемещение (обязательный карантин, отмена или значительное сокращение международного сообщения), которые сразу же начали отражаться на туристском бизнесе. Швеция — одна из немногих стран мира, не вводившая весной 2020 года внутри страны жесткие ограничительные меры, однако произошло обвальное сокращение въездного турпотока, так как ограничения на выезд были введены в странах, являющихся основными поставщиками туристов в Швецию. Въездной турпоток в июле 2020 года был меньше прошлогоднего значения в этом месяце на 87%, августа 2020 года — на 77%, сентября 2020 года — на 61%. Таким образом, туристская сфера Швеции в 2020 году пережила глубокий кризис, даже несмотря на отсутствие в стране жестких ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19.

Для анализа региональных различий во въездном туризме в Швецию нами используется статистика за 2019 год, то есть год, предшествующий кризису и характеризующийся наибольшей величиной въездного турпотока за исследуемый период. На рисунке 4 показаны общие масштабы въездного туризма в 2019 году на уровне административных единиц (лен) Швеции, которые также распределены по доле иностранцев в общем количестве туристов.

Половина въездного потока туристов приходится на два лена: Стокгольм (куда входит и столица Швеции) и Вестра-Гёталанд, который расположен на юго-западе страны. В Вестра-Гёталанде находятся несколько замков, курортный поселок Смоген и другие достопримечательности. Наибольшее число туристов приходится на западные лены, расположенные вдоль границы с Норвегией, и южные лены, в то время как в центральных ленах, расположенных к северо-западу и юго-западу от Стокгольма, отмечается минимальный турпоток.

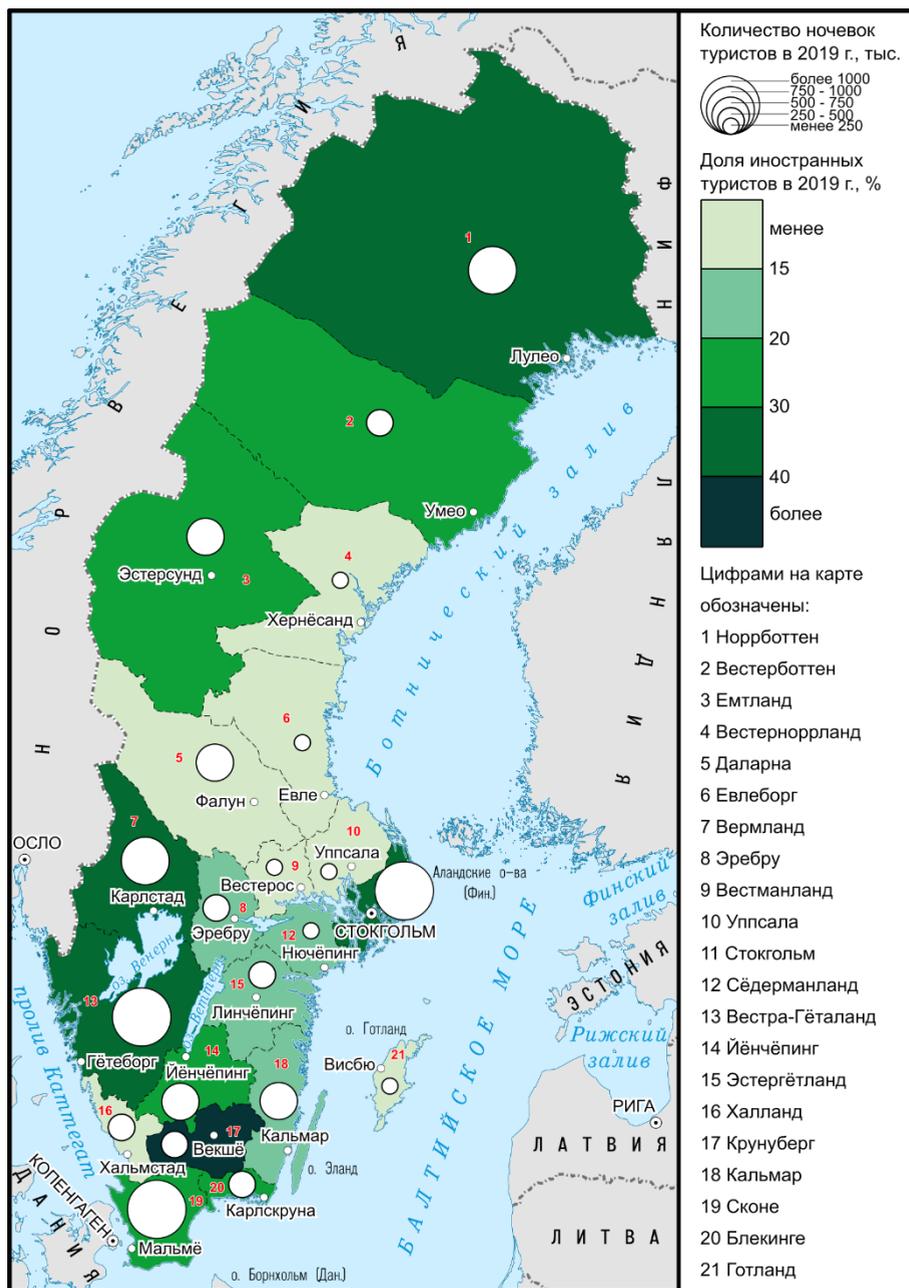

Рис. 4. Величина въездного туристского потока в 2019 году и доля иностранных туристов в общем количестве туристов по ленам Швеции

Доля иностранных туристов максимальна в южном лене Крунуберг (43%). Из посещаемых мест особо следует отметить город Векшё, в котором находятся Теллеборгский замок и руины замка Крунуберг, музей стекольной промышленности и кафедральный собор XIV века, а также поселок Альмхульт, в котором расположен музей и первый магазин известной международной компании «ИКЕА». Также доля иностранных туристов высока в ленах Стокгольм, Вестра-Гёталанд, Верmland и самом северном лене страны Норрботтен, где находится ледяной отель в Юккасыярви.

На рисунке 5 показаны основные поставщики иностранных туристов в 2019 году на уровне ленов Швеции. Пространственная структура въездных туристских потоков в шведских ленах вызывает интерес также с точки зрения трансграничного регионообразования.

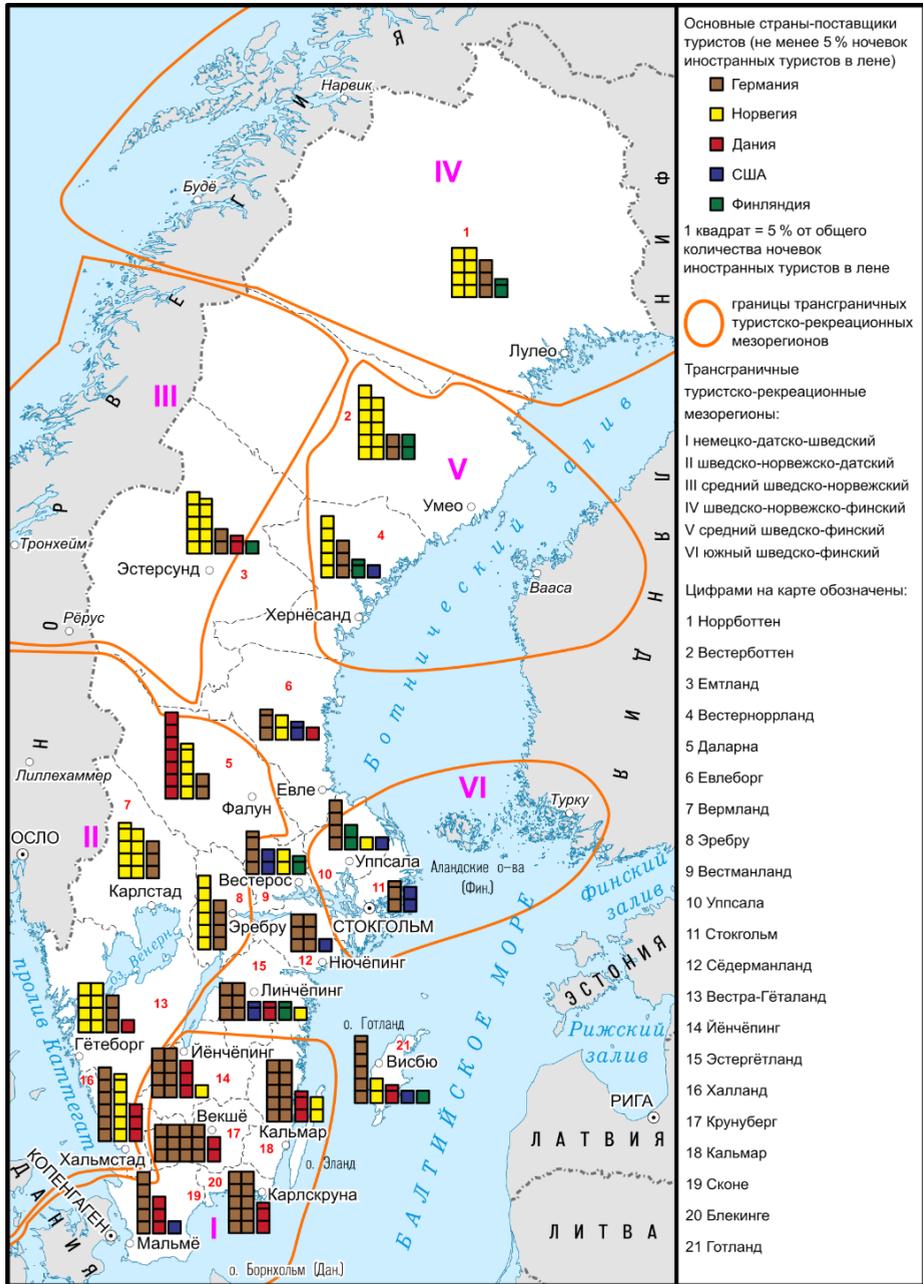

Рис. 5. Структура въездного турпотока в ленах Швеции в 2019 году (по странам — главным поставщикам иностранных туристов) и границы трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов

На карте показан удельный вес отмечается туристов из четырех стран (Норвегии, Германии, Дании и США), дающих большую часть иностранного турпотока. К четверке лидирующих по въездному туризму стран добавлена Финляндия, которая имеет заметный вес в нескольких ленах. При этом страны, доля которых во въездном турпотоке составляет менее 5%, на карте не отображены.

Туристы из Германии составляют большую часть иностранного потока в 13 ленах из 21. Больше всего их удельный вес отмечается в южных и восточных ленах Швеции.

В остальных ленах, расположенных преимущественно вдоль норвежской границы, большая часть туристов — из Норвегии. Исключение — лен Даларна, где выше доля датских туристов.

Доля туристов из США заметна в Стокгольме (на него приходится больше половины ночевок американских туристов — 575 тыс.) и в регионах, не являющихся популярными для туристов из других стран, что выступает скорее проявлением эффекта «низкой базы».

Особо нужно обратить внимание на повышенную долю немецких и датских туристов в южных ленах Швеции, что подтверждает правильность включения Е. Г. Кропиновой южной части Швеции в состав немецко-датско-шведско-польского трансграничного туристско-рекреационного региона (ТТРР), который к тому же имеет наиболее высокий уровень сформированности в пределах всего Балтийского региона [27, с. 119—120]. В шведской части данного ТТРР фактически не выражен только польский компонент, так как поток туристов из Польши крайне незначителен.

Е. Г. Кропинова в своей монографии [27] выделяет трансграничные туристско-рекреационные мезорегионы преимущественно в восточной части Балтийского макрорегиона. Причем очевидна привязка ТТРР мезоуровня к еврорегионам, созданным на границах России с соседними государствами. По аналогии можно выделить ТТРР мезоуровня в западной части Балтийского региона, в частности на границах Швеции с Финляндией и Норвегией. Здесь институционально оформлены трансграничные регионы, подобные еврорегионам и обозначаемые как новые пространственные формы международной экономической интеграции (НПФМЭИ) [32]. Они обычно удовлетворяют всем шести основным признакам трансграничного туристско-рекреационного регионообразования (непрерывность территории; взаимодополнение природных и культурных туристских ресурсов; наличие общей транспортной инфраструктуры, трансграничных туристских маршрутов, тесных связей между субъектами туризма и управленческих структур, организующих и координирующих турпотоки [27, с. 89]). Однако многие НПФМЭИ имеют небольшие размеры, и некоторые из них вписаны в более крупные НПФМЭИ. При этом последние могут вполне претендовать на статус трансграничных мезорегионов. Но при выделении ТТРР мезоуровня учитывалась также величина трансграничного туристского обмена, которая рассматривается нами как важнейший количественный индикатор степени сформированности ТТРР [24].

Ранее нами уже исследовалась география международных турпотоков в Финляндии и была отмечена высокая доля шведских туристов на Аландских островах и юго-западе страны. Данному ТТРР нами было предложено присвоить статус мезорегиона [25]. В Швеции доля туристов из Финляндии повышена на всем западном побережье Ботнического залива. Всего на шведско-финляндской границе действуют шесть НПФМЭИ [32]. Они частично накладываются или даже вписаны одни в другие, но при этом существуют явные разрывы между тремя их парами: к северу от Ботнического залива (Комитет «Нордкаллотен» и Совет «Долина Торнио»), в средней части Ботнического залива (Совет «Кваркен» и Комитет «Миттнорден») и на его южной границе (Кооперация «Архипелаг» и «Острова Балтийского моря Б7»). Именно эти три пары НПФМЭИ можно рассматривать в качестве мезорегионов в соответствии с теорией трансграничного туристско-рекреационного регионообразования, обозначив их как северный, средний и южный шведско-финские ТТРР мезоуровня.

Также можно говорить о существовании нескольких шведско-норвежских ТТРР мезоуровня, которые охватывает значительную часть территории этих государств. Аналогичное предположение высказывалось нами и при изучении структуры и географии распределения въездного туристского потока в Норвегии [26]. Всего на шведско-норвежской границе действуют восемь трансграничных регионов (НПФМЭИ) [32]. В большинстве случаев они вписаны в более крупные по площади, и потому можно четко выделить три массива НПФМЭИ. Первые два НПФМЭИ (Комитет «Нордкаллоттен» и Совет «Долина Торнио») охватывают северный участок шведско-норвежской границы. Причем оба НПФМЭИ являются совместными с Финляндией, потому можно говорить о существовании здесь трехстороннего ТТРР мезоуровня — шведско-норвежско-финского. Второй ТТРР мезоуровня выделен на среднем участке шведско-норвежской границы, который соответствует двум НПФМЭИ (Комитет «Миттнорден» и Миттскандия). На южном участке шведско-норвежской границе действуют четыре НПФМЭИ (Кооперация «Арко», Комитет «Эстфолль — Бохус», «Каттегат — Скагеррак» и «Верmland — Хедмарк — Акерсхус — Этфолл»), образующие единый массив (в том числе включающий север Дании), который также можно рассматривать как один ТТРР мезоуровня.

Таким образом, на шведско-норвежской границе можно выделить три ТТРР мезоуровня, которые обозначены нами как шведско-норвежско-финский, средний шведско-норвежский и шведско-норвежско-датский. Следует отметить, что данные ТТРР отличаются и количественно, и по своему составу от трансграничных мезорегионов в Балтийском макрорегионе, которые выделил и представил в своей монографии В. С. Корнеев [32, с. 19].

Всего же на смежных территориях Швеции, Норвегии, Финляндии и Дании нами выделено шесть ТТРР мезоуровня (см. рис. 5). Причем границы этих ТТРР были определены как в Швеции, так и на территории соседних с ней государств. Далее, опираясь на национальную статистику Швеции и соседних с ней государств за 2019 год, было подсчитано количество ночевков туристов в пределах низовых административных единиц, входящих в состав ТТРР мезоуровня (табл.).

Количество ночевков туристов (в том числе из соседних стран) в 2019 году в пределах ТТРР мезоуровня на смежных территориях Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии, тыс.

Название ТТРР	Всего ночевков	Ночевков туристов из смежных стран	Доля смежных стран, %
Немецко-датско-шведский	82 938,3	6 373,7	7,7
Шведско-норвежско-датский	18 922,1	3 111,7	16,4
Средний шведско-норвежский	1 119,6	376,1	33,6
Шведско-норвежско-финский	4 118,4	786,5	19,1
Средний шведско-финский	748,7	93,5	12,5
Южный шведско-финский	6 126,2	454,8	7,4

Е. Г. Кропиновой была предложена достаточно простая шкала оценки степени сформированности ТТРР, включающая три ступени — «высокую», «среднюю» и «низкую» (на начальных стадиях формирования) [27, с. 119]. При этом эталонным ТТРР мезоуровня с высоким уровнем сформированности был обозначен немецко-датско-шведско-польский ТТРР. Примером ТТРР мезоуровня со средним уровнем сформированности может служить, например, российско-эстонско-латвийский ТТРР [28]. Ранее нами было предложено для определения степени сформированности ТТРР использовать количественный индикатор, а именно величину туристского обмена между национальными частями ТТРР [24], а также добавить

промежуточную ступень в шкале степеней сформированности — «выше средней». Изучение трансграничного обмена в ТТТР мезоуровня, находящихся на границе России с Эстонией и Финляндией [24; 25], позволило нам ввести количественные критерии, разграничивающие три эти ступени степени сформированности: свыше 500 тыс. пересечений границы внутри ТТТР в год — «высокая», от 100 до 500 тыс. — «выше средней», от 20 до 100 тыс. — «средняя» (менее 20 тыс. — это уже уровень ТТТР микроуровня).

Как отмечалось выше, в Швеции и окружающих ее странах статистика оперирует количеством ночевков туристов. Но зная, что в Швеции и соседних с ней государствах продолжительность поездок составляет в зависимости от страны в среднем от 3 до 5 дней (включающих от 2 до 4 ночевков), можно дать следующую оценку степени сформированности выделенных нами шести ТТТР мезоуровня (см. табл.). Высокой степенью сформированности кроме немецко-датско-шведского характеризуется также шведско-норвежско-датский мезорегион. Степень сформированности трех мезорегионов (среднего шведско-норвежского, шведско-норвежско-финского и южного шведско-финского) можно оценить как «выше средней». Этим мезорегионам заметно уступает по приему туристов из смежных стран средний шведско-финский ТТТР, степень сформированности которого оценена как «средняя».

Выводы

Въездной туристский поток в Швецию вплоть до 2020 года обладал устойчивым ростом и в период с 2008 по 2019 год вырос более чем в 1,5 раза. Но кризис, вызванный пандемией COVID-19, привел в 2020 году к резкому снижению въездного турпотока. Так, например, в июле 2020 года он составлял всего 13% от уровня того же месяца в предыдущем году, а в августе — 23% соответственно.

Изучение географии въездных туристских потоков в Швецию, позволившее оценить некоторые параметры трансграничных туристско-рекреационных регионов, опиралось на статистику 2019 года. Исследование подтвердило наличие обладающего высоким уровнем сформированности и большим объемом межгосударственного туристского обмена немецко-датско-шведского ТТТР мезоуровня, включающего, в частности, южную часть Швеции (преимущественно регион Гёталанд).

Кроме этого, на границе Швеции с соседними странами выделено пять ТТТР мезоуровня: шведско-норвежско-датский, средний шведско-норвежский, шведско-норвежско-финский, средний шведско-финский и южный шведско-финский. Из них шведско-норвежско-датский можно считать ТТТР с высокой степенью сформированности. Только один мезорегион (средний шведско-финский) отнесен к ТТТР со средней степенью сформированности, а остальные три мезорегиона — к ТТТР со степенью сформированности «выше средней».

Список литературы

1. Carson D. A., Carson D. B. International lifestyle immigrants and their contributions to rural tourism innovation: Experiences from Sweden's far north // *Journal of Rural Studies*. 2018. Vol. 64. P. 230—240. doi: 10.1016/j.jrurstud.2017.08.004.
2. Almstedt Å., Lundmark L., Pettersson Ö. Public spending on rural tourism in Sweden // *Fennia*. 2016. Vol. 194, № 1. P. 18—31. doi: 10.11143/46265.
3. Rytkönen P., Tunón H. Summer Farmers, Diversification and Rural Tourism — Challenges and Opportunities in the Wake of the Entrepreneurial Turn in Swedish Policies (1991—2019) // *Sustainability*. 2020. № 12. P. 1—27. doi: 10.3390/su12125217.
4. Demiroglu O. C., Lundmark L., Saarinen J., Müller D. K. The last resort? Ski tourism and climate change in Arctic Sweden // *Journal of Tourism Futures*. 2019. Vol. 6, № 1. P. 91—101. doi: 10.1108/JTF-05-2019-0046.

5. *Pashkevich A.* Processes of Reinterpretation of Mining Heritage: the Case of Bergslagen, Sweden // *ALMATOUIRSM Journal of Tourism, Culture and Territorial Development*. 2017. № 7. P. 107—123. doi: 10.6092/issn.2036-5195/6758.
6. *Lundmark L. J.T., Fredman P., Sandell K.* National Parks and Protected Areas and the Role for Employment in Tourism and Forest Sectors: a Swedish Case // *Ecology and Society*. 2010. Vol. 15, № 1. P. 19. doi: 10.5751/ES-03175-150119.
7. *Fredman P., Romild U., Yuan M., Wolf-Watz D.* Latent Demand and Time Contextual Constraints to Outdoor Recreation in Sweden // *Forests*. 2012. № 3. P. 1—21. doi: 10.3390/f3010001.
8. *Margaryan L., Fredman P.* Bridging outdoor recreation and nature-based tourism in a commercial context: Insights from the Swedish service providers // *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*. 2017. Vol. 17. P. 84—92. doi: 10.1016/j.jort.2017.01.003.
9. *Petersson-Forsberg L.* Swedish spatial planning: A blunt instrument for the protection of outdoor recreation // *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*. 2014. Vol. 5—6. P. 37—47. doi: 10.1016/j.jort.2014.03.003.
10. *Lindström K.N., Larson M.* Community-based tourism in practice: evidence from three coastal communities in Bohuslän, Sweden // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. 2016. № 33. P. 71—78. doi: 10.1515/bog-2016-0025.
11. *Farsari I.* A structural approach to social representations of destination collaboration in Idre, Sweden // *Annals of Tourism Research*. 2018. Vol. 71. P. 1—12. doi: 10.1016/j.annals.2018.02.006.
12. *Lundberg E.* The importance of tourism impacts for different local resident groups: A case study of a Swedish seaside destination // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2017. Vol. 6, № 1. P. 46—55. doi: 10.1016/j.jdmm.2016.02.002.
13. *Hultman J., Michael Hall C.* Tourism place-making: Governance of Locality in Sweden // *Annals of Tourism Research*. 2012. Vol. 39, № 2. P. 547—570. doi: 10.1016/j.annals.2011.07.001.
14. *Van Es N., Reijnders S.* Chasing sleuths and unravelling the metropolis: Analyzing the tourist experience of Sherlock Holmes' London, Philip Marlowe's Los Angeles and Lisbeth Salander's Stockholm // *Annals of Tourism Research*. 2016. Vol. 57. P. 113—125.
15. *Козлова К. С.* Развитие образовательного туризма в Финляндии и Швеции // *Неделя науки СПбПУ : матер. науч. конф. с междунар. участием. СПб., 2020. С. 244—247.*
16. *Майоров Н. Н.* Развитие морских паромных перевозок в Балтийском море в контексте глобальных тенденций // *Системный анализ и логистика*. 2020. № 1 (23). С. 65—73.
17. *Saranca M. A.* Assessing competitiveness of the Baltic states in tourism // *Baltic Region*. 2020. Vol. 12, № 3. P. 147—166. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-9.
18. *Сафина С. С., Амосова Г. М.* Современные особенности развития международного туризма в странах Северной Европы // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2018. № 4 (112). С. 38—43.
19. *Кондратов Н. А.* Предпосылки и современное состояние туризма в странах Северной Европы: географический аспект // *География и туризм : сб. науч. тр. Пермь, 2010. С. 77—90.*
20. *Демидова Е. Е.* Метаморфозы заполярного города (на примере г. Кируна, Швеция) // *Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы : сб. матер. Всерос. науч. конф. М., 2016. С. 126—131.*
21. *Самборская В.* Перспективы развития туризма в регионе Балтийского моря на примере прибрежных регионов Швеции // *Polish Journal of Science*. 2020. № 31—2 (31). С. 40—45.
22. *Prokkola E.-K.* Cross-border Regionalization and Tourism Development at the Swedish-Finnish Border: "Destination Arctic Circle" // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2007. Vol. 7, № 2. P. 120—138. doi: 10.1080/15022250701226022.
23. *Prokkola E.-K.* Borders in tourism: the transformation of the Swedish-Finnish border landscape // *Current Issues in Tourism*. 2010. Vol. 13, № 3. P. 223—238. doi: 10.1080/13683500902990528.
24. *Манаков А. Г., Чученкова О. А., Иванов И. А.* География туризма Эстонии в контексте трансграничного туристско-рекреационного регионообразования // *Псковский регионологический журнал*. 2019. № 4 (40). С. 80—95. doi: 10.37490/S221979310010191-3.
25. *Манаков А. Г., Кондратьева С. В., Иванов И. А.* Структура и география распределения въездного туристского потока в Финляндии // *Географический вестник*. 2020. № 1 (52). С. 165—176. doi: 10/17072/2079-7877-2020-1-165-176.

26. *Иванов И. А., Михайлов Б. С.* Структура и география распределения въездного туристского потока в Норвегии // Псковский регионологический журнал. 2020. № 4 (44). С. 107—118. doi: 10.37490/S221979310011436-2.

27. *Кропинова Е. Г.* Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике. Калининград, 2016.

28. *Manakov A. G., Golomidova E. S.* Estimating the development of the Latvian-Estonian-Russian transboundary tourism and recreation region // Baltic region. 2018. Vol. 10, № 1. P. 130—141. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-8.

29. *Голомидова Е. С.* Инфраструктура эстонской части трансграничного туристско-рекреационного региона «Сетомаа» // Псковский регионологический журнал. 2019. № 2 (38). С. 118—125. doi: 10.37490/S221979310012064-3.

30. *Красильникова И. Н., Теренина Н. К.* Псковско-Чудское побережье как территория трансграничного туризма // Туризм и индустрия гостеприимства: современное состояние и тенденции развития : матер. междунар. науч. конф. Псков, 2019. С. 103—108.

31. *Кондратьева (Степанова) С. В.* Факторы развития приграничного туризма на смежных территориях России и Финляндии // Псковский регионологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 106—114. doi: 10.37490/S221979310011766-5.

32. *Корнеевец В. С.* Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. Калининград, 2010.

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Ирина Николаевна Красильникова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: mulia777@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

Иван Андреевич Иванов, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: ii60@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

GEOGRAPHY OF INBOUND TOURISM AND TRANSBOUNDARY TOURISM-AND-RECREATION REGION BUILDING IN SWEDEN

A. Manakov
I. Krasilnikova
I. Ivanov

Pskov State University,
2 Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia

Received 13 November 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-6

© Manakov, A., Krasilnikova, I.,
Ivanov, I., 2021

Sweden's tourism industry stands out for its large contribution to the development of the national economy. The vast size of the country makes it possible to trace differences in incoming tourist flows from neighbouring countries. This circumstance accounts for the novelty of this study, which lies in viewing national tourism geography from the perspective of the theory of transboundary tourism-and-recreation region building. Interregional differences in the structure of incoming tourist flows help identify the country's cross-border tourism-and-recreation regions and delineate their borders. This research employs statistical and cartographic methods. The incoming tourist flow to Sweden grew steadily until 2020. However, the Covid-19 crisis has led to a drastic reduction in the number of incoming tourists. Based on the 2019 statistics, the findings confirm the existence of a developed transboundary tourism-and-recreation mesoregion that brings together Germany, Denmark, and Sweden. The formation boasts strong tourist links. There are another five cross-border tourism-and-recreation mesoregions: Sweden-Norway-Denmark, Middle Sweden-Norway, Sweden-Norway-Finland, Middle Sweden-Finland, and South Sweden-Finland. The number of tourists visiting cross-border mesoregions indicates the degree of development of the latter.

Keywords:

tourism industry, international tourism, tourist flow, Covid-19, cross-border region

References

1. Carson, D. A., Carson, D. B. 2018, International lifestyle immigrants and their contributions to rural tourism innovation: Experiences from Sweden's far north, *Journal of Rural Studies*, no. 64, p. 230—240. doi: 10.1016/j.jrurstud.2017.08.004.
2. Almstedt, Å., Lundmark, L., Pettersson, Ö. 2016, Public spending on rural tourism in Sweden, *Fennia*, vol. 194, no. 1, p. 18—31. doi: 10.11143/46265.
3. Rytkönen, P., Tunón, H. 2020, Summer Farmers, Diversification and Rural Tourism — Challenges and Opportunities in the Wake of the Entrepreneurial Turn in Swedish Policies (1991—2019), *Sustainability*, no. 12, p. 1—27. doi: 10.3390/su12125217.
4. Demiroglu, O. C., Lundmark, L., Saarinen, J., Müller, D.K. 2019, The last resort? Ski tourism and climate change in Arctic Sweden, *Journal of Tourism Futures*, vol. 6, no. 1, pp. 91—101. doi: 10.1108/JTF-05-2019-0046.
5. Pashkevich, A. 2017, Processes of Reinterpretation of Mining Heritage: the Case of Bergslagen, Sweden, *ALMATOUIRSM Journal of Tourism, Culture and Territorial Development*, no. 7, p. 107—123. doi: 10.6092/issn.2036-5195/6758.
6. Lundmark, L. J. T., Fredman, P., Sandell, K. 2010, National Parks and Protected Areas and the Role for Employment in Tourism and Forest Sectors: a Swedish Case, *Ecology and Society*, vol. 15, no. 1, p. 19. doi: 10.5751/ES-03175-150119.
7. Fredman, P., Romild, U., Yuan, M., Wolf-Watz, D. 2012, Latent Demand and Time Contextual Constraints to Outdoor Recreation in Sweden, *Forests*, no. 3, p. 1—21. doi: 10.3390/f3010001.
8. Margaryan, L., Fredman, P. 2017, Bridging outdoor recreation and nature-based tourism in a commercial context: Insights from the Swedish service providers, *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*, no. 17, p. 84—92. doi: 10.1016/j.jort.2017.01.003.
9. Pettersson-Forsberg, L. 2014, Swedish spatial planning: A blunt instrument for the protection of outdoor recreation, *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*, no. 5—6, p. 37—47. doi: 10.1016/j.jort.2014.03.003.
10. Lindström, K. N., Larson, M. 2016, Community-based tourism in practice: evidence from three coastal communities in Bohuslän, Sweden, *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, no. 33, p. 71—78. doi: 10.1515/bog-2016-0025.
11. Farsari, I. 2018, A structural approach to social representations of destination collaboration in Idre, Sweden, *Annals of Tourism Research*, no. 71, p. 1—12. doi: 10.1016/j.annals.2018.02.006.
12. Lundberg, E. 2017, The importance of tourism impacts for different local resident groups: A case study of a Swedish seaside destination, *Journal of Destination Marketing & Management*, vol. 6, no. 1, p. 46—55. doi: 10.1016/j.jdmm.2016.02.002.
13. Hultman, J., Michael, H. C. 2012, Tourism place-making: Governance of Locality in Sweden, *Annals of Tourism Research*, vol. 39, no. 2, pp. 547—570. doi: 10.1016/j.annals.2011.07.001.

14. Van, E. N., Reijnders, S. 2016, Chasing sleuths and unravelling the metropolis: Analyzing the tourist experience of Sherlock Holmes' London, Philip Marlowe's Los Angeles and Lisbeth Salander's Stockholm, *Annals of Tourism Research*, no. 57, p. 113—125.
15. Kozlova, K. S. 2020, Development of educational tourism in Finland and Sweden. In: *Nedelya nauki SPBPU. Materialy` nauchnoj konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem* [SPBPU Science Week. Materials of a scientific conference with international participation], p. 244—247 (In Russ.).
16. Majorov, N. N. 2020, Development of sea ferry transportation in the Baltic Sea in the context of global trends, *Sistemny`j analiz i logistika* [System analysis and logistics], no. 1 (23), p. 65—73 (In Russ.).
17. Sarancha, M. A. 2020, Assessing competitiveness of the Baltic states in tourism, *Bal. Reg.*, vol. 12, no. 3, p. 147—166. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-9.
18. Safina, S. S., Amosova, G. M. 2018, Modern features of the development of international tourism in the Nordic countries, *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo e`konomicheskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics], no. 4 (112), p. 38—43 (In Russ.).
19. Kondratov, N. A. 2010, Prerequisites and current state of tourism in the Nordic countries: the geographical aspect. In: *Geografiya i turizm. Sbornik nauchny`x trudov* [Geography and tourism. Collection of scientific papers], Perm, p. 77—90 (In Russ.).
20. Demidova, E. E. 2016, Metamorphoses of the polar city (on the example of Kiruna, Sweden). In: *Mozaika gorodskix prostranstv: e`konomicheskie, social`ny`e, kul`turny`e i e`kologicheskije processy`. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Mosaic of urban spaces: economic, social, cultural and ecological processes. Collection of materials of the All-Russian scientific conference], Moscow, p. 126—131 (In Russ.).
21. Samborskaya, V. 2020, Prospects for the development of tourism in the Baltic Sea region on the example of coastal regions of Sweden, *Polish Journal of Science*, no. 31—2 (31), p. 40—45 (In Russ.).
22. Prokkola, E. -K. 2007, Cross-border Regionalization and Tourism Development at the Swedish-Finnish Border: "Destination Arctic Circle", *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 7, no. 2, p. 120—138. doi: 10.1080/15022250701226022.
23. Prokkola, E. -K. 2010, Borders in tourism: the transformation of the Swedish-Finnish border landscape, *Current Issues in Tourism*, vol. 13, no. 3, p. 223—238. doi: 10.1080/13683500902990528.
24. Manakov, A. G., Chuchenkova, O. A., Ivanov, I. A. 2019, Geography of tourism in Estonia in the context of cross-border tourism and recreation region formation, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 4 (40), p. 80—95. doi: 10.37490/S221979310010191-3 (In Russ.).
25. Manakov, A. G., Kondrateva, S. V., Ivanov, I. A. 2020, The structure and geography of the distribution of the incoming tourist flow in Finland, *Geograficheskij vestnik* [Geographical Bulletin], no. 1(52), p. 165—176. doi: 10/17072/2079-7877-2020-1-165-176 (In Russ.).
26. Ivanov, I. A., Mikhaylov, B. S. 2020, Structure and geography of the inbound tourist flow distribution in Norway, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 4 (44), p.107—118. doi: 10.37490/S221979310011436-2 (In Russ.).
27. Kropinova, E. G. 2016, *Transgranichny`e turistsko-rekreacionny`e regiony` na Baltike* [Transboundary tourist and recreational regions in the Baltic], Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University, 272 p (In Russ.).
28. Manakov, A. G., Golomidova, E. S. 2018, Estimating the development of the Latvian-Estonian-Russian transboundary tourism and recreation region, *Balt. Reg.*, vol. 10, no. 1, p. 130—141. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-8.
29. Golomidova, E. S. 2019, Infrastructure of the Estonian part of transboundary touristic and recreational region "Setomaa", *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 2 (38), p. 118—125. doi: 10.37490/S221979310012064-3 (In Russ.).
30. Krasilnikova, I. N., Terenina, N. K. 2019, Pskov-Peipsi coast as a territory of cross-border tourism. In: *Turizm i industriya gostepriimstva: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Tourism and hospitality industry: current state and development trends. Materials of the International Scientific Conference], Pskov, p. 103—108 (In Russ.).

31. Kondrateva (Stepanova), S. V. 2019, Factors of development of border tourism in related territories of Russia and Finland, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 4 (40), p. 106—114. doi: 10.37490/S221979310011766-5 (In Russ.).

32. Korneevets, V. S. 2010, *Formirovanie transgranichny`x mezoregionov na Baltike* [Formation of transboundary mesoregions in the Baltic], Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University, 80 p (In Russ.).

The authors

Prof. Andrei G. Manakov, the Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Dr Irina N. Krasilnikova, the Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: mulia777@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

Ivan A. Ivanov, PhD Student, Pskov State University, Russia.

E-mail: ii60@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>
